

Ум - Честь - Сила



Эпендиев Магомед Бухадиевич

Эпендиев Магомед Бухадиевич

Ум - Честь - Сила

1. Ум

В. – Слушай, я вчера разговаривал с одним человеком. Обычный «кухонный» разговор – что происходит, почему и т.п. Он все разложил по полочкам так, что все стало ясно. Очень умный человек!

С. – Умный, говоришь. А что, по-твоему, означает «умный человек»?

В. – Ну это человек, который правильно оценивает ситуацию, явления, свои поступки, поступки других,

С. – Подожди, но ведь я сразу спрошу тебя, что такое «правильно», и ты обязательно используешь слово «разумно».

В. - Ладно, дам другое определение: умный это тот, кто мыслит и действует логически. Насколько я знаю, понятие «логика» определяется достаточно объективно и не требует привлечения конкретного человека.

С. – Хорошо, остановимся пока на этом (хотя «действует» тут излишне). Попробуем выяснить, что значит более умный, и вообще, что такое количество ума. У тебя есть какое-либо мнение?

В. – Ты, конечно, усмехнешься, если я скажу: больше логики – больше ума. Лучше скажи свое мнение.

С. – Мое мнение? Пока я не увижу людей, которых нужно сравнивать, у меня нет мнения. А когда появится, то оно будет мое личное (субъективное) мнение, причем для данных обстоятельств, данных людей и в данное время. Поэтому, чтобы быть объективными, поставим вопрос иначе. Допустим, мы оба понимаем, что такое ум. Во всяком случае, можем договориться, что это не чувственная характеристика человека. Давай-ка спросим себя: а как он формируется, каким образом человек становится разумным.

В. – В чем тут вопрос! Человека с младенчества учат, воспитывают.

С, - Хочешь сказать, что ему с детства говорят: это разумно, это нет.

В. – Конечно.

С. – Но тогда получается, что у одного и того же воспитателя должны быть примерно одинаковые результаты.

В. – Ну у воспитуемого всегда несколько воспитателей. Да и задатки у детей разные.

С. – Давай сразу договоримся не трогать задатки (а также вундеркиндов, идиотов и других отклонений от нормы – это в сущности генетическая «разведка»). Что же касается нескольких воспитателей, то ты мог бы добавить среду, материальные возможности и т.п.

В. – Ты хочешь напомнить, что человек развивается в своих, отличных от других, условиях. Но это очевидно!

С. – Здесь важно то, что один ребенок попадает в одни ситуации, другой – в другие.

В. – Ну и что? Взрослые разберутся, посоветуют.

С. – Во-первых, взрослым часто недосуг разбираться в каждой ситуации. Во-вторых, посоветуют они после свершения ситуации. А значит, ребенок как-то сам разобрался со случившимся.

В. – Ясно, ясно! Ты хочешь сказать, что ребенок и сам должен пытаться понять ситуацию.

С. – Разумеется! Никакие слова не заменяют личный опыт.

В. – Ну одного личного опыта мало. Нужен и чужой.

С. – Да, если чужой это конкретный человек. Во всяком случае, можно считать, что основу умственного развития составляет опыт. Не так ли?

В. – Да, если добавить такую «мелочь» как образование.

С. – Но ведь знания, которые даются в школе, есть не что иное, как опыт предыдущих поколений ...

В. – Стоп! Этот опыт передается словами, а ты сам утверждал, что слова не заменяют личный опыт.

С. – ... Думаешь, поймал? Нет! Правда, пока сразу не могу сообразить, как четко тебе ответить. Давай сначала разберемся с опытом. Что это такое?

В. – Это систематизированные итоги человеческой деятельности.

С. – Очень научно. Но я бы поправил – навыки деятельности. Но и в этом случае сомнительное определение. Скажи-ка, ты прыгал через лужи, речушки и т.п. ?

В. – Ну прыгал.

С. – Тебе какой-нибудь прыжок запомнился?

В. – В деталях не помню, но в детстве неудачи точно были.

С. – Вот, вот – неудачи! Картошку чистил?

В. – Не раз.

С. – Порезы были?

В. – Бывали. Особенно, когда начинаешь слишком резво.

С. – Вот именно! В этом-то и суть. Если все идет нормально, то это не запоминается. А неудачи помнятся еще долго. Не кажется ли тебе, что в основе опыта лежат ошибки в деятельности людей?

В. – Смысл в этом есть. Но, извини меня, здание стоит не на ошибках, а на правильно (без ошибок) рассчитанном фундаменте. Поэтому опыт не только (и даже не столько) ошибки, но и совокупность полезных (удачных) действий.

С. – Хорошо, разберемся с твоим примером. Ты знаешь, какой по весу фундамент нужен нашей многоэтажке?

В. – Нет! Я же не строитель.

С. – Тогда упростим вопрос. Хватит ли для 1000-тонного здания 10000-тонный фундамент?

В. – Конечно, хватит. Даже с избытком.

С. – А 1000-тонный подойдет?

В. – Да.

С. – А 10-тонный?

В. – Вряд ли.

С. – А теперь допустим, что ты собираешься строить и спрашиваешь у специалиста, какой фундамент нужен для твоей стройки. Какие сведения ты захотел бы получить от него, чтобы их можно было понять и использовать?

В. – Прежде всего, минимально возможный вес. Для пущей уверенности внес бы добавку.

С. – Таким образом, выяснил бы условия, при которых фундамент может не выдержать, и внес бы коррективы для страховки. Т.е., важно знать границы, которые отделяют удачу от неудачи.

В. – Так ты дойдешь до утверждения, что всякое практическое знание основано на ошибках.

С. – Именно к этому я и веду! Всякое знание означает, что некая закономерность справедлива в заданных границах. За пределами этих границ закон не действует (ошибается).

В. – Но даже если так, все равно опыт ошибок это негативный опыт. Где же позитивный?

С. – А такового и нет (точнее, он примитивен). Всякое наше действие в чем-то приносит вред. Ни идеальных действий, ни идеальных исполнителей не бывает. Различные действия мы сравниваем не по одинаковостью их последствий. Где, при каких условиях и в чем данные поступки ведут к неудаче (ошибкам) – вот вопросы, на которые нужно ответить, чтобы понять и оценить поступки. Сфера полезного для человека много меньше сферы бесполезного или вредного. Поэтому черты полезного менее разнообразны, чем черты остального. Полезное тривиально!

В. – Ну ладно, ладно. Давай без философии. Пусть будет по-твоему – опыт основан на ошибках. Что же из этого следует?

С. – Прежде я вернусь к вопросу, на который раньше не дал ответа. Опыт предыдущих поколений это не просто слова. Он подтверждается всем, что сотворено людьми. Мы же не будем строить здание методом, который был применен ранее и привел к неудаче. Если переданный нам опыт не сопровождается совершенными ошибками, то сомнительна полезность такого опыта.

В. – Но почему?

С. – А мы можем поставить вопрос: почему так, а нельзя ли иначе. И не только поставим, но и будем пытаться действовать по другому до тех пор, пока не убедимся в бесполезности (ошибочности) этих действий. А значит, данный опыт пошел не впрок.

В. – Ну хорошо. Почти убедил. Так что же все-таки из всего этого следует?

С. – Итак, в основе ума – опыт. В основе опыта – ошибки. Т.е., умственное развитие это изучение ошибок. Теперь скажи, кто больше всего совершает ошибки?

В. – Тот, кто больше действует.

С. – А среди одинаково загруженных?

В. – Ну, наверное, те, кто занимается более неизведанным делом. Например, наукой.

С. – Я не о классе специалистов, а об отличительных чертах людей, совершающих больше ошибок.

В. – Тогда можно выделить людей с малым опытом или любителей риска. Необразованные, тугодумы. Просто туповатые, в конце концов.

С. – Ну, наконец, выразился достаточно резко. Все что ты сказал можно выразить в жесткой форме: при прочих равных условиях больше ошибок совершают глупые!

В. – Ха-ха, открыл Америку. Это же очевидно.

С. – Да, очевидно, если забыть, откуда и куда мы идем в своем разговоре. Итак, ум за счет ошибок. Ошибки совершают глупые. Т.е., ум это ошибки глупых. Иначе говоря, ум это результат деятельности глупых. Как ты думаешь, умный человек – это хорошо?

В. – Да.

С. – А очень умный – значит очень хорошо. Т.е., чем больше умных, тем лучше. Если все будут умные, то будет совсем хорошо. ...

В. – Понял, понял! Хочешь сказать, что будет меньше ошибок, а значит, меньше возможностей умнет и прогресс замедлится. Но это же чушь!

С. – Не совсем. Труд станет более творческим и неизведанным. Поэтому количество ошибок будет достаточным, чтобы умные становились еще умнее. Но я, впрочем, не об этом. Мы же, как ты понимаешь, говорим об относительно умных (т.е., глупый – это недостаточно умный). Как по-твоему, хорошо ли, если одна часть людей заметно умнее другой?

В. – Ты намекаешь на возможную эксплуатацию первыми вторых?

С. – Если не избегать резких утверждений, то именно это я и хочу сказать.

В. – Но я как-то не представляю такой вид эксплуатации.

С. – Тем не менее, это происходило и происходит. В истории достаточно примеров этому. Скажи-ка, бывали ли страны без недостатков, проблем и противоречий?

В. – Нет.

С. – Проблемы бывают разными: объективные и субъективные, временные и долгосрочные, актуальные и потенциальные. Какие проблемы и в какой очередности разрешались?

В. – Ну прежде всего те, которые зависят от действия людей. Не сразу, конечно, а по мере их актуальности, по мере того, как данная проблема затрагивает все больше людей.

С. – И, разумеется, их разрешают, так сказать, с умом?

В. – Да. Иначе вместо одной проблемы можем получить другую, более сложную.

С. – Другими словами, для разрешения проблемы нужен опыт, связанный именно с этой проблемой. Как этот опыт приобретается?

В. – Наверное, в попытках решить эту проблему.

С. – Бесплодных?

В. – Минуточку ... Да, скорее всего так. Неудачи подстегивают, а проблема все больше обнажается.

С. – Но кто будет предпринимать неудачные попытки? Обычно в начале перед отдельным человеком встает лишь небольшая проекция проблемы. Умный и опытный человек видит, что информации недостаточно для решения. Поэтому он будет ждать большего проявления проблемы и не пойдет на заведомо неудачные действия. Другой же, недостаточно умный, инстинктивно (а значит, бездумно) захочет устранить возникшую «помеху».

В. – Ну найдутся такие. Ничего не сделают, никому не помогут, а сами, скорее всего, пострадают. При чем тут опыт?

С. – Во-первых, кое-какой опыт накапливается. Во-вторых, и это главное, проблема все больше проявляется именно после таких попыток. Чем больше людей страдают от нее, тем больше ее актуальность. Проблема становится общественной, когда начинает затрагивать слишком много людей. Можно, конечно, обходить ее и считать, что ее как бы нет. Однако, пока в луже кто-нибудь не промочит ноги, можно не узнать, что она есть.

В. – По-твоему, получается, что, когда проблема «съест» достаточное количество людей, на сцену выходя умные и быстренько ее разрешают?

С. – Не совсем быстренько, конечно. Просто проблема становится более значимой, а ее разрешение - престижным делом. Немаловажно и то, что последствия людям более или менее понятны и они согласны примириться с неизбежными (но меньшими) неприятностями.

В. – А что, проводится общественный опрос по данной проблеме?

С. – Нет. Точнее, пока нет. Умные просчитывают все это сами. На то они и умные, чтобы видеть все это в комплексе и понимать, в какой момент можно действовать с большей вероятностью удачи. И, разумеется, не лишне для них предполагаемое (не без оснований) одобрение (в частности, в плане вознаграждения) обществом своих действий.

В. – Да что же это такое! На проблеме «горят» глупые (неопытные). Когда их «сгорит» большое количество, приходят умные и, используя опыт такого «горения», а также, возросшим общественным негодованием, начинают действовать. К тому же не забывают при этом о своей выгоде. По-моему все это аморально.

С. – При чем тут мораль. Да и что особенного в том, что человек действует рационально, своевременно и с большей эффективностью. Начни он раньше, или бы тоже «сгорел» или бы ему не дали довести дело до конца. А если позже, то может быть уже поздно (проблема «ударил» бы со всей силой). Чем же такой разумный подход тебе не нравится?

В. – Не знаю! Есть тут что-то бесчеловечное. Мне как-то трудно представить развитие человека и общества в таком виде.... Минуточку... Пстой, а ведь сама история противоречит тому, что ты говоришь.

С. – Любопытно! В чем же?

В. – Ты согласен, что философы, ученые и изобретатели – люди умные?

С. – Да. С поправкой – в своей области.

В. – Ладно, не это важно. В конце концов были и универсалы. Важно другое! Как бы это сказать... Да я просто перечислю: Сократ, Коперник, Джордано Бруно, Галилей, Циалковский, ... Хватит? Сознали, что ряд их действий преждевременны, и все-таки шли на смерть, унижения и смех толпы. Да и в своей личной жизни я встречал немало умных людей, в судьбе которых происходило что-то аналогичное. Все это как-то не вяжется с тем, что ты говоришь. Разве не так?

С. – Да, не вяжется. Но, думаю, из истории и из своего личного опыта ты мог привести и подтверждающие примеры.

В. – Ну и что! Все равно неясно, что тут является правилом, а что исключением. Поэтому вряд ли мы с тобой к чему-нибудь пришли.

С. – Как же так! Мы лучше поняли, что такое ум. Выяснили, что ошибки, развивающие ум, чаще совершаются глупыми (недостаточно умными). Ведь отсюда явно видна тенденция ума к эксплуатации глупости. Неужели эта тенденция не воплощается в жизнь?

В. – Да, если умный человек бесчестен.

С. – Значит, если человек умный и более о нем ничего неизвестно, то нет никаких гарантий, что он не является злоносителем для других, менее умных людей?

В. – Если так ставить вопрос и не принимать во внимание другие качества человека, то уму даже выгодно наличие большого количества глупых людей.

С. – Вот именно! Ум сам по себе для своего развития должен использовать все возможности. А так как носителем ума является конкретный человек со своими интересами, то трудно ожидать от него объективности в этом плане.

В. – Тогда получается, что чем умнее человек, тем более вероятно, что он плох для других. Не будешь же ты утверждать, что чем больше глупых, тем лучше?

С. – Не буду, конечно. Просто из всего сказанного нами выше следует один простой, можно сказать, очевидный вывод: **ум сам по себе безнравственен**. Иногда он нейтрален по отношению к морали, а иногда ум и мораль противоречат друг другу. В крайнем своем выражении ум действительно бесчеловечен. Не зря говорят «холодный ум», чтобы подчеркнуть силу и остроту ума. Хитрый, коварный – это атрибуты не глупости.

В. – Светопреставление какое-то! Это что же, если я сказал о ком-то, что это умный человек, то я сделал не комплимент, а скорее, наоборот.

С. – Да, если подразумевается, что более о нем ничего неизвестно.

В. – Не могу с этим согласиться.

С. – А ты подумай. Хорошенько подумай!

2. Честь

С. – Ну как! Думал?

В. – Думал! До головной боли. С одной стороны, вроде ты прав, а с другой – сплошные противоречия. Умный человек полезен. Как же полезный человек может быть вредным? В голове не укладывается.

С. – Правильно! Не укладывается. Действительно, сплошные противоречия. И все из-за того, что мы говорили об одной черте, характеризующей человека. Что, по-твоему, нужно еще добавить, чтобы достаточно емко обрисовать конкретного человека?

В. – Ну добрый или жестокий, честный или бесчестный, упорный, волевой, бесхарактерный ... Да и еще много чего.

С. – Достаточно. Давай пока остановимся на понятии «честь», связывая с ним правдивость и другие качества нравственного характера. Сначала выясним: что и как делает человека честным (или бесчестным)?

В. – Воспитание, примеры. Общественное мнение. И еще многое другое.

С. – А зачем нужны честные?

В. – Как зачем? Иначе нельзя говорить об обществе, как о чем-то целом. Всякая система распадается, если в ней искажается передаваемая информация.

С. – Это понятно! Правда я бы поправил – слишком искажается. В обществе людей, в отличие от других систем, передаваемая информация, так или иначе, искажается. Я о другом. Зачем тебе нужно, чтобы, например, я был честным?

В. – Если бы ты был нечестным, на тебя нельзя было бы положиться. Ты бы мог обмануть, предать.

С. – Ну и что? Не полагайся на меня и не верь – и нет проблем.

В. – Как нет!? Мы живем рядом, пути наши иногда пересекаются. И если даже я игнорирую тебя, то я же для тебя есть. И в любой момент ты можешь «толкнуть» меня, если захочешь.

С. – Ага! Если мы рядом и я нечестный, то я представляю опасность для тебя. А если вдалеке, то ничего страшного. Не кажется ли тебе, что в таком случае твое отношение к нечестным есть просто эгоизм?

В. – Почему же естественная боязнь пакостей со стороны некоторых окружающих является эгоизмом?

С. – Как ты сказал, нечестный опасен. Пока опасность далека от тебя, она тебя не волнует. Если вокруг тебя честные люди, тебя не заботит наличие нечестных в другой «окрестности». Разве это не эгоизм?

В. – Ну знаешь, нечестный человек, с которым я никак не соприкасаюсь, это просто абстрактный человек. Какое бы не было мое отношение к нему, проявится конкретным образом оно не может. Ну буду я его осуждать. Выразусь словами – не более того. Так какая в сущности разница, осуждаю я его или нет? По-моему тут не эгоизм, а нежелание пустых деклараций.

С. – Разумеется, твоя позиция оправдана. Однако, зря ты отрекаться от эгоизма. В сочетании с честностью эгоизм является нормальной реакцией на опасность. Один из атрибутов инстинкта самосохранения здорового человека – не более. Однако, когда ты говоришь об абстрактном человеке, ты забываешь, что он для кого-то не является абстрактным. Этот кто-то связан с другим и т.д. И такая цепочка (и не одна) связанных людей приведет к тебе. Значит он для тебя не абстракция!

В. – Конечно, все люди на Земле так или иначе связаны. Но чем длиннее цепочка, тем слабее связь. И каждый сам (от случая к случаю) выбирает критическую «длину». Так что твои всеобщие цепочки и есть абстракция.

С. – Опять ты прав. И все таки скажи: тебе самому нравится твое отношение к нечестным? Я имею в виду игнорирование тех нечестных, с которыми ты никак не связан.

В. – Как это может нравиться, или не нравиться. Я повторяю, что не представляю как еще можно относиться к этому. Не буду же я бегать и искать вне своего окружения нечестных, разоблачать и клеймить их. Если ты сейчас напомним про Дон-Кихота, то, думаю, его «профессия» не всякому по душе. В частности, мне, хотя я преклоняюсь перед побудительными мотивами действий благородного идадьго.

С. – К Дон-Кихоту мы еще вернемся. Итак, как я понял, ты считаешь свою позицию нормальной. Чуть изменю вопрос. Допустим, я разделяю твою позицию. Постарайся честно ответить: нравится ли тебе то, что это моя позиция? Подчеркиваю – не твоя, а моя позиция. Понимаешь о чем речь? Ты должен отвлечься от своего мнения и просто определить, так сказать, знак своих эмоций.

В. – ...Трудно сказать... Сначала даже приятно такое единомыслие. Потом как бы трезвеешь и появляется что-то типа разочарования. Не понимаю

почему.... Без всяких оснований.... И нет никакого желания как-то проявить это разочарование.

С. – Но ведь это естественная реакция. В цепочке я на одно звено ближе к тому абстрактному для тебя человеку. Для меня он менее абстрактен. И с твоей точки зрения я должен быть более нетерпим, чем ты.

В. – Но если я хорошо подумаю, то пойму, что ты должным образом нетерпим к данному человеку, который на шаг ближе к тебе.

С. – Если хорошо подумаешь! Если все взвесишь. Отмеришь! А хочется ли тебе заниматься этим?

В. – Вообще-то не очень.

С. – Вот, вот! Хочется просто верить. Цепочек много. Не все просчитаешь. Хочется быть уверенным в окружающих, в частности, во мне. Причем, в большей степени, чем в себе. Т.е., ты хочешь, чтобы вокруг тебя были более честные, чем ты.

В. – Ладно, все это я понимаю. Но вот мы посчитали, что оба честные. А если это не так? Если мы с тобой нечестные, то все, что мы говорили, есть соображения нечестных людей, чуждые для более доверчивых, безмерно деликатных людей.

С. – Дело не в нас. Желание, чтобы рядом были честные, характерно и честным и нечестным людям. Причем, последним в большей степени.

В. – Это как же?

С. – Допустим, некто Х нечестный. Он представляет опасность (для всех). У честных меньше способов бороться с ним, чем у нечестных (последние могут использовать любые средства). А значит Х должен больше остерегаться нечестных. Наш Х это понимает лучше честного и поэтому больше заинтересован в соседстве с честными...

В. – Стоп! Я тут вспомнил о коалициях. Ведь честный вряд ли вступит в нее, если видит там нечестных. А нечестные как-то уживаются в ней.

С. – Такие коалиции устойчивы не потому, что они не боятся друг друга. Боятся, еще как. Просто развала коалиции они боятся еще больше. Такое бывает в политике, где сосредоточена борьба интересов (национальных, корпоративных и пр.). Но о политике здесь я не хочу говорить, так как она находится вне логики и основывается на двойных (тройных, ...) стандартах.

Мы же будем стараться быть объективными. Ты выше говорил, в чем опасность, исходящая от нечестного человека. Но есть еще одно, о чем стоит вспомнить. Это маскировка.

В. – Ты хочешь сказать, что человек может замаскироваться так, что никто и не подумает, что он нечестный?

С. – Ну такая маскировка уменьшает его возможности. А если она идеальная, то его можно считать честным. Нет, я о другой маскировке.

В. – Какая еще может быть маскировка? Все в живой природе, если надо, маскируется под окружающую среду. Другого вида природа не нашла.

С. – Человек нашел! Нечестный человек. Он просто может убедить окружающих в том, что все таковы, как он. Не самому «краситься» под окружающую среду, а среду «красить» в свой «цвет»!

В. – Но как это ему удастся? Ведь люди не слепые.

С. – Вообще-то люди и не очень зрячие. Если им говорят про опасность, то они могут поверить на слово. А ложная тревога распространяется столь же быстро, как и истинная. При этом не нужно убеждать всех – тревога это как цепная реакция.

В. – Все равно не понимаю, как нормальный человек может поддаться такому обману. Даже если он сначала поверит, он же потом поймет, что его обманули.

С. – Конечно, если спросить у других, мы вряд ли поймем, что и как происходит. Более объективной будет информация, полученная от нас с тобой. Во всяком случае, ты можешь полагаться на свои ощущения и поведение.

В. – Но разве мы с тобой можем представить весь широкий спектр состояний людей – от жуткой мерзости до высочайшей добродетели?

С. – Можем! Во всяком случае, основную часть этого спектра. Нет человека, который все 24 часа в сутки был в одном состоянии (тонусе). Каждый временами честен, временами нет.

В. – Получается, что понятие честный человек – относительное. Грубо говоря, например, он 23 часа честный, а один час нет. Но ведь если он совершает безнравственный поступок в этот час, то все его 23 часа в состоянии честности пропадут впустую. Это значит: повезет – честный, не повезет – нечестный!

С. – Элемент везения, конечно, во всем этом есть. Но нужно учесть следующее: чтобы в момент малодушия без колебаний совершить нечестный поступок, нужна кое-какая практика таких поступков. А тогда вспомнятся те 23 часа переживаний, которые следовали даже за небольшой пакостью. Есть и страх осуждения. Так что по времени должно совпасть не только необходимость нравственного выбора, но и многое другое. Впрочем, мы отклонились. Итак, я утверждаю, что для каждого нормального человека нет незнакомых ему пороков и достоинств. Очень пристально взглядевшись в себя (что вообще-то трудно), каждый человек найдет и чем погордиться и чем постыдиться. Согласен с этим?

В. – Приходиться соглашаться.

С. – И ты можешь подтвердить, что иногда был готов к нечестным поступкам?

В. – Да.

С. – Тогда представ! Ты не в настроении. Какой-то внутренний разлад. Злой на всех и все. Ожесточен. Ну и так далее. Бывало такое?

В. – Иногда. Особенно, когда устаешь.

С. – Итак, ты вольно или невольно в состоянии депрессии. Подходит один и говорит: не переживай, все пройдет, ... Что ты отвечаешь и о чем думаешь при этом?

В. – Говорю, конечно, спасибо. А про себя что-то типа «Без тебя знаю, что пройдет».

С. – Подошел другой и говорит «Что же ты такой-сякой, грубый и злой. Как тебе не стыдно» и т.п.

В. – Ну этого я, скорее всего, пошлю куда-нибудь подальше. Вслух.

С. – А теперь к тебе подошел третий. Говорит о том, что ты имеешь все основания быть в таком состоянии, что такой-то и такой-то действительно «бьяка», что тебя в таком состоянии нужно жалеть и оберегать. И вообще, говорит, все это нельзя так оставить и надо показать им, кого они обидели. Скажет о всеобщей невнимательности. Добавит, что ты не один в таком состоянии. Что сплошь и рядом ни на грош не ставят достоинство и гордость порядочных людей. Пошлешь ли ты такого к черту?

В. – Вряд ли. Хоть какое-то утешение.

С. – Между тем он тебе еще многое наговорит. И твои переживания, малодушие помаленьку превратятся в почти сладостное состояние человека, несправедливо обиженного всеми.

В. – Но ведь потом-то все пойму и оценю!

С. – Ты, возможно, да. Но и это потом! И так, первый советчик тебе был не нужен, второй раздражал, а вот третий ... Третьего ты слушаешь. А он, скорее всего, нечестный человек. Под сладкой песней понимания им в реальность вплетается ложь и грязь, которые для тебя в данную минуту почти бальзам на «страдающую» душу.

В. – Тогда почему я слушаю эту белиберду? Я же не идиот!

С. – В эти редкие минуты ты сам не свой! Исчезла уверенность в себе, в своих действиях. Очевидно, что ты ухватишься за любую возможность избавиться от этого состояния, по существу комплекса неполноценности. И тебе помогают наиболее простым и доходчивым образом: утверждают, что причина вне тебя, а ты тот же. Тебе говорят: не бойся, много таких, как ты. И ты слушаешь. Слушаешь, хотя в глубине души (точнее, головы) понимаешь, что это, скорее всего, обман. Такова уж природа человека. Истиной является реальность (и только она). А последняя сложна и многослойна. Поэтому мы страшимся такой, зачастую суровой, действительности. Ложь проста. Но она успокаивает человека в минуты слабости. Теперь ты понимаешь, почему проходит обман и каким образом нечестные «окрашивают» окружающий мир в свой «цвет».

В. – Со скрипом! Я подумал, что все это я вряд ли понял, если бы был том состоянии. Может я тебя внимательно и слушал бы, а про себя думал, мол к чему все это, зачем. Мне показалось бы, что ты своими словами красишь мир в более мрачный цвет, чем я в том состоянии. Ну ладно. Послушал я этого третьего. Немного утешился. Но потом ведь я войду в привычное состояние. Я же не буду чернить мир в этом состоянии. В чем ты тут видишь заразу или, как ты говоришь, цепную реакцию? И почему она может пройти через меня?

С. – Вспомнив, как утешали тебя, ты можешь пользоваться аналогичным способом, чтобы помочь другому человеку, упавшему духом. И успокойся! Если у тебя нет реальной (то, что мы говорили о тебе, это гипотетический пример) практики такого утешения, то через тебя это может и не пройти.

В. – Но как же быть добрым и честным людям, которые видят около себя страдающего человека. Неужели нельзя пожалеть и утешить его. Пусть будет немного неправды, аналогичной врачебной лжи.

С. – Мы говорим о состоянии человека, которое больше связано со сменой настроения и в очень малой степени с объективными причинами. Конечно, человек страдает. Но это присуще всякому человеку. Одним в большей мере, другим в меньшей. Это та боль, которой не помогают слова. Можно сделать эту боль сладкой или более переносимой. Но это как потребление наркотиков. Можно загнать эту боль в какой-нибудь уголок, чтобы она не мешала жить. И превратиться в равнодушного человека. Или неврастеника.

В. – Что же ты предлагаешь? Смотреть спокойно? Но тогда это тоже равнодушие!

С. – Если ты стоишь рядом со страдающим не случайно (это приятель или знакомый), то основная твоя помощь должна быть оказана раньше – твоими делами и поступками. Этим ты снижаешь степень объективности его страданий. А когда он страдает без особых внешних причин, лучшее, что ты можешь сделать – это не раздражать его мелочами. И быть готовым помешать ему совершить какую-нибудь пакость в эти минуты малодушия. А боль и страдания пусть переживет сам. На то он и человек.

В. – А дети? У них же все это происходит чаще. Им же намного труднее страдать и переживать, не выплескивая все это наружу. Родители и все окружающие стараются помочь им. Разве не так?

С. – Да, с детьми сложнее. Перед ними большой хаос. А значит, больше страха. И им помогают. Способов много, но главный это тот, о котором мы говорим...

В. – Обман! Чернить мир! Но это же хуже.

С. – Но обман другого рода. Окрашиваем мир в два цвета – белый и черный. Белый «добрый» и всегда побеждает. В общем, рассказываем им сказки. И только для того, чтобы они не пугались и верили в добро.

В. – Но дети, в конце концов, убедятся в обмане!

С. – Конечно! И каждое поколение с трудом воспринимает тот мир, в который пришли. Пытаются его как-то изменить. И часто вопреки нам. Иногда им что-то удается. Не обходится и без конфликтов. В общем древняя, как мир, проблема отцов и детей.

3. Отцы и дети.

В. – Однако, трудно представить, что сказки способствуют воспитанию честного человека. Должно быть еще что-то, чем мы нейтрализуем ложь.

С. – Несомненно! Надо понимать, до каких пор рассказывать сказки. С ростом ребенка развивается и его логическое восприятие. А сказки и логика противоречат друг другу. Чтобы нивелировать это противоречие, нужно вовремя «сворачивать». Например, представить сказки мечтой. Ведь все люди мечтают о светлом будущем. И достаточно доказать, что в сказках и заложена эта мечта, чтобы переход детей в реальный мир был бы менее болезненным.

В. – Но ведь не все взрослые способны на это. Одни все еще живут сказками, другие слишком заняты, а третьи считают, что дети сами должны следовать законам реальной жизни.

С. – Ты удачно выделил эти три группы людей. Они и составляют явное большинство людей. Особенно много первых. В принципе они в меру честные. Однако, наивные, если и во взрослой жизни все еще верят в сказки. Заняты обычно обеспеченные люди, которые могут нанять профессионалов. Но в основном они более равнодушны к детям. А что скажешь о третьих?

В. – Если исключить жестких людей (мол, сам научись «плавать»), то это, по-моему, в основном нечестные люди. Они сами примирились и своим детям советуют примириться с действительностью.

С. – Другими словами, их дети должны сделать ложь и лицемерие, царящие в мире, принципами своей жизни. Но дети, возможно, выберут другой вариант. Особенно сейчас. Дети просто отвернутся от таких родителей. Может быть «восстанут» против всего окружающего

В. – Ты хочешь сказать, что они сомкнутся с теми, кому не по душе пороки окружающего мира (а с кем еще им смыкаться, если хотят «восстать»)?

С. – Да, но с одной поправкой. К такой оппозиции добавятся еще те, у которых жизнь родителей полна неудач. Более того, если ко всем им добавится достаточное количество взрослых неудачников, то это прямая дорога к революции (у взрослых нет времени, чтобы терпеть медленный ход реформ, а недовольная молодежь всегда готова к резким изменениям).

В. – Но почему ты считаешь, что молодежь такая нетерпимая?

С. – Просто им хочется верить. Не сказкам (то, что это ложь, они давно поняли). Хочется верить близким. Хочется верить, что мир добрый. А их продолжают обманывать. Речь уже не о «врачебной» лжи или сказках. Многим взрослым почему-то кажется, что подростки недостаточно проницательны, чтобы понять смысл обмана.

В. – Но если они настолько проницательны, они должны понять, что во всех случаях родители желают им добра.

С. – Так и бывает, если это подтверждается примером родителей. Впрочем, мы уже уходим в сторону (тема отцов и детей многослойна и позже мы можем еще поговорить об этом). Итак, мы поняли, как и откуда в мир приходит лицемерие и обман. Поняли, как через подростков проходить зараза очернительства. А можно ли противостоять этому? И нужно ли?

В. – Для честного тут нет альтернативы.

С. – А я сомневаюсь, что ты и я способны с легкой душой, безоглядно, проявлять бескомпромиссность ко лжи и лицемерию.

В. – А по-моему, принципиальное отношение к нечестным – это не самое трудное дело для меня. Ведь и общество за меня и совесть чиста. Ты же не предполагаешь, что нечестные объединены в мафии и могут стереть всякого, кто их дискредитирует?

С. – Если бы было так, то все было бы проще. Четкая поляризация, (ты или «здесь», или «там») – что может быть лучше для жесточенности (а значит, и бескомпромиссности) борьбы. И, как ни странно, именно на этом основаны мои сомнения.

В. – Но, почему? Чем это грозит? Что этому препятствует?

С. – Честь! Желание прослыть честным! Удивлен?

В. -

С. – А помнишь в детстве: «дурак» - «сам дурак» и т.п.?

В. – А-а! Обвинение возвращается.

С. – Да. Твое отношение к нечестному – это обвинение. И оно не останется без ответа. Допустим, силовой ответ тебя не волнует (такой ответ не вредит твоей чести, хотя часто требует изрядного мужества). А вот ответное сомнение в твоей порядочности («сам дурак») тебя трогает больше.

В. – Ну и что? Почему это может меня остановить?

С. – Но ты же действительно не безгрешен. И я, и другие. Мы все, пусть в каких мелочах, но какие-то пакости совершали. А в мыслях (или во сне) допускали и гораздо большее. Представь, ты в какой-то компании и тебе в голову пришла не очень пристойная мысль. Бывало такое?

В. – Да. И делал все, чтобы это умерло во мне.

В. – Не все так просто. Сразу после этой мысли ты оглядываешься вокруг – не заметил ли кто-нибудь. Не по выражению твоего лица, а по другим, туманным признакам. Т.е., сразу приходит в голову: не «подслушал» ли кто-то, о чем ты подумал. Абсурдная мысль, но инстинктивная. Но в памяти все это сохранится. И вот тебя обвиняют во лжи и лицемерии. Утверждают, что ты скрываешь свои грязные мысли. Потверждают это мелочами из твоей жизни. И финальный аккорд: пусть я в чем-то нечестен, но я не скрываю это; но посмотрите на этого – он считает себя честным, а на самом деле полон грязных намерений и лишь страх удерживает его от претворения их в жизнь. Представляешь! Нечестный честно признает свои пороки, а ты, оказывается, их скрываешь.

В. – Да, трудно сохранить после этого хладнокровие.

С. – Вот именно! Ты уже не спокоен. Ты чувствуешь (кажущие или действительные) настороженные взгляды. И твой страх за грязь в мыслях растет. Ты же не можешь, не кривя душой, объявить, что у тебя и в мыслях не было ничего зазорного. Практически ты парализован – и думать боишься, и говорить не знаешь что. Ты хочешь вернуть свою честь и не можешь, потому что она не исчезала – просто объявлено, что у тебя внутри для нее места нет. И вот она, главная беда честного – окружающие считают, что он, возможно, нечестен и любые его честные поступки не отражают внутреннюю суть.

В. – По-моему, ты слишком драматизируешь.

С. – Это не я! Это ты будешь так драматизировать, прогнозирую ход событий при возврате обвинения. На самом деле, ответ вряд ли будет столь коварным и продуманным. Да и действительное отношение к тебе у окружающих мало изменится. Тем не менее. «дым» создан и ты не можешь его рассеять. К тому же у людей свои заботы и им часто не до твоей персоны. Поэтому, как ты считаешь, после такого «дыма» ты для них возможно честный, а возможно нет. В жизни всякое бывает, каждый может отступить – подумают (по твоему мнению) они.

В. – А может быть я просто ринусь в бой. Не задумываясь, инстинктивно.

С. – Поначалу, наверняка, так и будет. Но впечатления останутся. И ты вспомнишь про них в следующих случаях. Я же просто пытаюсь объяснить, с чем связана известная отговорка: черт с ним, не хочется пачкаться.

В. – Я слышал такое часто. Причем, от вполне порядочных людей. Сам так думал. А вот теперь не знаю, всегда ли это было правильно.

С. – Обоснованное сомнение. За этой отговоркой стоит не что иное, как перефразированная пословица: своя совесть ближе к телу. Грубовато, но суть передает.

В. – Что же получается – честным оставаться невозможно! Ведь всегда найдется слишком «грязная» грязь, с которой не всякий захочет связываться. А отступив перед нею, человек уже не может считать себя принципиально честным.

С. – Да, именно так! **Честь сама по себе беззащитна!** В своем крайнем выражении честность заходит в тупик. Это естественно, так как честность – это идеальная правда. Но правда сегодняшнего дня. Здесь я позволю себе произнести небольшой монолог.

В желании освятить себя в сегодняшний день мы обязательно встанем перед дилеммой: «пачкать» этот день или нет. В первом случае мы должны признать, что идеалы сегодняшнего дня не имеют за собой достаточных оснований. Тем самым оставляем право завтрашнему дню пересмотреть их. Во втором случае оставляем за собой моральное (как мы полагаем) право завещать (а иногда и декретировать) эти идеалы следующим поколениям. Очевидно, что первый вариант, как бы он не был труден, требует доверия к потомкам. Пусть пересматривают все. Пусть посомневаются. Тем легче им будет определить, что из наших идеалов являются догмами сегодняшнего дня, а что является нравственным богатством, от которого они не вправе отказаться. Если же мы сотрем все пятна сегодняшнего дня (что для нас намного легче), то наши идеалы во многом станут догмами завтрашнего дня. Так, без всякого обогащения, наши идеалы будут передаваться от потомков к потомкам. Но в какой-то момент «мертвая» часть (догмы) станет слишком «смердящей» и люди отвернутся от наших идеалов. И вероятно, что наряду с догмами они подвергнут ostracismu многое хорошее, что у нас было.

4. Сила

В. – Я много думал о твоих словах. Это привело меня к мысли: честность для себя это не то, что честность для других. Желая непременно остаться честным в своих глазах, человек когда-нибудь вынужден будет совершить, мягко говоря, что-то неприличное.

С. – Я бы сказал – вынужден будет не совершать честный поступок. В связи с этим вопрос. Обязан ли честный человек совершать все честные поступки, необходимость которых вставала на его пути?

В. – Но это практически не возможно. Не везде можно успеть и не на все хватит времени. Не бросать же одно дело ради другого.

С. – Не понимай меня буквально. Я же говорю о поступках, на которые у человека хватит времени и только от него зависит, совершать их или нет.

В. – В такой постановке я могу ответить – должен, но вряд ли сможет!

С. – Ага! Значит, у него может не хватить сил на что-то?

В. – Да. Например, физических...

С. – Стоп! Физические силы объективны. Их можно мерить, количественно сравнивать и т.п. Мы же говорим о субъекте (данном человеке), о его силе воли, упорстве и т.п. (кстати, физически слабые люди или калеки часто более сильны, чем здоровые). Сравнить это можно лишь качественно. Так что же это такое – сила человека?

В. – По-моему, само это понятие определить невозможно. Могу лишь сказать, что при всех прочих равных условиях более сильный человек преодолеет больше внешних и внутренних препятствий. А значит, способен приложить больше усилий.

С. – Оставим пока в стороне внешние препятствия. Более интересно, что ты подразумеваешь под внутренними?

В. – Чаще всего это лень. Еще трусость, боязнь неизвестности и т.п.

С. – Значит, если человек не ленив и бесстрашен, то он силен?

В. – Во всяком случае, эти черты необходимы. Только трудолюбивые и смелые могут быть сильными.

С. – Итак, ты утверждаешь, что ленивый или трусливый человек не может быть сильным?

В. – Да, в этом я убежден.

С. – Ладно! Скажи тогда, что такое страх?

В. - ...Не знаю, что и сказать. Это скорее вопрос психологии. Инстинкт самосохранения, что ли. В общем, только ненормальный человек лишен этого чувства.

С. – Вот именно! Чувства! Нормальный человек чего-нибудь боится. Один темноты, другой боли, третий высоты и т.д. и т.п. Сильный человек – это тот, кто в нужные моменты способен действовать вопреки страху (преодолевать себя). Однако, в зависимости от степени воображения, прилагаемых для этого усилий или больше или меньше. Кроме того, вспомним, что многие боятся не за себя, а за своих близких. А это уже влияние других чувств (привязанность, любовь и т.п.). Поэтому понятие страха мало, что говорить о силе или бессилие человека (хотя, конечно, смелость более характерна силе, чем трусость). Больше информации мы получим, если разберемся, что такое лень. Что это такое, по-твоему?

В. – Ну, наверное, желание покоя. Я не знаю, что еще добавить.

С. – Тогда всмотримся в себя. Я знаю, тебе лень утром вставать. Почему?

В. – Просто трудно. Хочется еще поспать.

С. – А я вот встаю без труда. Значит в этом я не ленивый?

В. – Я мог бы тебе возразить, но пока не буду. Посмотрю, к чему ты ведешь.

С. – Хорошо! Представ себе – ты на пляже, пригрелся на солнце. И вот надо в воду. Насколько я знаю, ты это сделаешь без труда. Так?

В. – Да. Я и зимой спокойно ныряю в прорубь.

С. – А я вот заранее дергаюсь – такая неохота лезть в воду.

В. – Ну и что с того? Тебе трудно делать одно, мне – другое. У всех лень связана с теми или иными привычками.

С. – Вот именно! Всякое действие предполагает, что человек делает выбор между различными вариантами (и иногда не один выбор). В привычном же действии предполагается, что выборы давно уже сделаны. Т.е., такие действия не требуют приложения усилий.

В. – Но ведь преодоление страха тоже требует приложения усилий. Значит, бесстрашие – это атрибут силы.

С. – Да, если данный человек не ленив. Ленинь более естественное состояние человека, чем трусость (в древности, наверное, было наоборот). Как бы то ни было, давай договоримся, что проявление силы заключается в действиях, в которых преодолеваются привычки данного человека.

В. – Хорошо... Ну и что из этого следует?

С. – Это значит, что при прочих равных условиях одним надо приложить больше усилий, чтобы преодолеть свои привычки, а другим меньше. Отсюда следует, что при одинаковых трудолюбии и смелости, одни сильные, а другие – не очень.

В. – Странно! Вот, допустим, что один трудолюбив (неленив, быстр на подъем, ...), а второй не очень. Тем не менее, по-твоему, я должен допускать, что второй может быть сильнее первого. Не вижу смысла!

С. – Смысл есть. Второй прилагает больше усилий, чтобы совершить те же действия, что и первый. Теперь представим, что обоим нужно совершить в одинаковых условиях некое действие. По-моему, второй решится на это скорее, чем первый.

В. – Не слишком ли исключительный это случай? Мне трудно представить такую ситуацию.

С. – Да вот тебе простой пример. Ты любишь спать и всегда прилагаешь усилия, чтобы проснуться. А мне это не составляет труда. Допустим, мы с тобой не спали двое суток и потом заснули. И вот через пару часов нас будят. Наверное, ты встанешь раньше меня. Ты уже научился делать это через силу.

В. – Но последнее означает, что у меня есть привычка – прилагать усилия, чтобы проснуться. Коряво выражаясь, привычка преодолевать привычки. Чем же такая привычка отличается от моей другой?

С. – А тем, что она может испариться сама собой, без всяких усилий с твоей стороны. В отпуске расслабился и снова тебе придется научиться вставать. Но вот другой пример – зарядка. Сначала пересиливал себя, потом привык и в конце концов это стало удовольствием. Предчувствие повышение тонуса часто превращает зарядку в приятную привычку.

В. – А что ты скажешь о любителях риска (скалолазы, парашютисты ...). Если дело нравится само собой (адреналин и пр.), то это простая привычка. В то же время там человек преодолевает свой страх. Тогда эта привычка есть атрибут силы.

С. – Добавь – а если ему хорошо платят (или дают орден ...).

В. – Ну и что! Всякий труд вознаграждается. А тут еще и риск.

С. – Да я не против корыстных мотивов. Это нормальные вещи. Просто надо учесть, что иной слабак за хорошее вознаграждение способен к «сильным» поступкам. Не так ли?

В. – Если так, то, что остается от понятия «сильный человек»?

С. – Как что! А гордость, самоутверждение. Наверное, на раннем этапе формирования человеку сулили «пряник». Возможно даже, что и далее он будет прилагать усилия лишь за «пряник». Но, в таких случаях, это просто слабость. А вот когда «пряники» постепенно превращаются в обычные условия физического существования, мы и имеем дело с силой как таковой. Поэтому давай договоримся, что будем говорить о силе, которая проявляется в действиях безотносительно к размеру вознаграждения.

В. – Ладно, допустим, что так. Как я понимаю, меру силы ты определяешь поступками, которые данный человек может совершить. Перед чем-то он должен отступить. Но если ему обещать «пряников» побольше, то он может и попытаться. И при удаче его можно считать более сильным, чем до этого?

С. – Во-первых, при удаче. Во-вторых, количество «пряников» всегда ограничено и так просто их обещать не будут. Сначала поищут рядом за обычную плату, а уже затем, если очень нужно, повысят вознаграждение. Такое, конечно, бывает. Но это не означает, что человек, сделавший больше усилий за большую плату, более сильный, чем казался до этого.

В. – Ну хорошо, договорились.

С. – Тогда вопрос (выше он задавался о честных): всегда ли человек должен демонстрировать свою силу?

В. – Что значит должен! Кому должен? И всю ли силу?

С. – Спрошу по другому. Зачем нужна такая демонстрация (о корысти мы уже не говорим)?

В. – Наверное, хочет показать, что он что-то значит. Например, полезен для друзьям и опасен врагам.

С. – А если никто не заметил приложенные усилия?

В. – Тогда для самоутверждения.

С. – А теперь допустим, что он отступил (не совершил то, что мог бы совершить). Другие (если видят), конечно, скажут, что он проявил слабость. А он сам?

В. – Думаю, он будет стыдиться и укорять себя. Иначе он действительно станет более слабым.

С. – Получается, что сила, если не хочет терять свою мощь, не может бездействовать и должна при всех возможностях демонстрировать себя. Кстати, абсолютно то же самое имеет место и в не живой природе. Ясно, что люди в своих планах будут учитывать силу данного человека. Для чего?

В. – Да мало ли для чего. Например, для привлечения к совместным действиям. Конечно, если он не занят чем-то иным.

С. – А если он не захочет?

В. – Ты же сам говорил, что сила не может бездействовать. Нужно только дать понять ему это.

С. – Ага! Помахать красной тряпкой, обозвать слабаком и трусом и т.п. А если он и под таким напором откажется?

В. – Тогда он действительно слабак. Или тут нечто иное.

С. – Про иное еще поговорим. Итак, свободная сила не может отказаться и ею могут пользоваться другие. Так?

В. – Если мы ведем речь о голой силе, то можно сказать и так.

С. – Да, мы пока говорим о силе, как таковой. В природе есть сочетание: действие – противодействие. Как в этом плане используется сильный человек в наших делах?

В. - Обычно, против другой силы. Но жизнь сложна и в ней возможны разные варианты.

С. – Кроме варианта бездействия. Мы говорим о человеке, для которого усилия стали почти привычкой. Его внутренняя борьба окружающим не

заметна. Лишь в его противостоянии с чем-то внешним люди могут оценить меру его силы. Таким образом, сила обречена на борьбу. Если не против стихии природы, то против другого человека. Что же получается? Сила не может быть свободной, потому что окружающие всегда найдут для нее дело. Нужно лишь умно и вовремя помахать перед нею красной тряпкой. Значит, силу можно спровоцировать на все, что угодно.

В. – А мне все-таки не верится, что человек способен на крайние меры ради самоутверждения.

С. – Пример Раскольников тебе ни о чем не говорить? А ведь его никто не заставлял. Он сам, считая себя сильным (в действительности, желая приобрести силу), пошел на убийство. Возможно, это исключительный пример. Но если добавить подталкивание кем-нибудь, то приходим к более частым явлениям. Что же тогда говорить о случаях, когда это делается под восторженный шепот или под угрозой презрительных насмешек.

В.- Вот на счет угроз нужно уточнение. Если силу угрозами заставляют что-то делать, то она может и отказаться. При этом ее не упрекнешь в слабости, так как она не подчинилась другой силе.

С. – Здесь ты прав. Поэтому я раньше и говорил об использовании силы с умом, так сказать, без силового нажима.

В. – Ну, хорошо! Я понял, что всегда найдется сила способная на крайность и найдутся люди, которые сумеют толкнуть ее на это. Но ведь есть еще такое понятие, как долг. Я хочу сказать, что некоторые люди способны на многое не по привычке и не из желания гордиться собой, а из-за чувства долга. Они должны это сделать, обязаны и все тут! И не собираются они гордиться потом собой. И такие вряд ли пойдут на действия, которые не согласуются с их понятиями о долге и чести.

С. – Я понимаю, о чем ты говоришь. Я бы еще добавил, что умный может просчитать и понять, где и в чем его обманывают. И сам решить, поддаться ли уговорам или нет.

В. – Вот именно! И при этом он не становится слабее.

С. – Это как сказать! Ты помнишь, мы говорили, что у нечестных больше вариантов действий. Не следует ли отсюда, что этим ограничивается рост силы?

В. – Разумеется, есть границы, которые не может перейти честный.

С. – То же самое можно сказать об умном человеке. В частности, такой не будет совершать слишком рискованные действия. Мы говорим о силе как таковой. Демонстрация такой силы не нуждается ни в уме, ни в чести. Образно говоря, сила бесчестна и безумна. Подумай об этом.

5. Гармония

С. – Ну что надумал?

В. – А что тут думать! Вывод из твоих слов очевидный – лишь в гармоничном сочетании ум, честь и сила составляют то, что надо.

С. – Вывод очевидный, так как ты употребил слово «гармоничный». Я не очень понимаю, что означает это слово само по себе. В данном контексте, по-видимому, его смысл заключается в слове «правильный». Действительно, правильное – это то, что надо.

В. – Хорошо, скажу по научному – «лишь в диалектическом единстве ...».

С. – М-да! Сказал диалектика и, мол, все ясно, спорить не о чем. Нет! Не все ясно. Наоборот, диалектика – это когда все сложно и неопределенно. Она не успокаивает ум, а мучает его сомнениями и противоречиями. Лишает покоя. Но, ограничившись этим понятием, мы как бы отступаем перед многообразием окружающего нас мира. Ладно, это я так, к слову. Конечно, никто не будет оспаривать то, что человек должен быть умным, честным и сильным. А вот каким должно быть сочетание – вот в чем вопрос.

В. – Ты хочешь определить рецепт сочетания? Но это невозможно. И люди и ситуации бывают разными. Один разбирается в одном и плохо понимает другое, второй равнодушен к одним вещам и трепетно относится к другим, третий может совершить одни виды поступков и не способен делать другие. Разнообразие огромное. Какой тут может быть рецепт?

С. – Да, конечно, количественное определение рецепта практически невозможно. А вот качественное определение – это другой вопрос. Скажи, например, ты можешь отличить очень умного человека от глуповатого?

В. – Да. Более того, в большинстве случаев я могу понять, кто просто умный, а кто очень умный. Особенно, если речь идет об одинаковых видах деятельности. Предваряя твои следующие вопросы, я могу то же самое сказать о чести и силе.

С. – Тогда договоримся о трех категориях. Например, первая категория – не очень умный (глуповатый), нечестный, слабый. Вторая категория – это просто умный, честный, сильный. В третьей эти качества усиливаются словом «очень». Так вот, я утверждаю, что сочетание, в котором все три качества входят в одну и ту же категорию, это лучше (во всяком случае, не хуже), чем сочетание в разнбой! Подожди! Прежде чем возразить, скажи-ка мне, что ты имеешь в виду под словами «то, что надо»?

В. – Полезно для окружающих. Для общества в целом.

С. – Я все же не очень понимаю, в чем объективный смысл слов «то, что надо», «полезно» и т.п. Например, одни считают, что технический прогресс полезен (нужен) обществу, а другие считаю, что вреден. И те и другие, по-своему, правы. Что же тогда говорить о конкретном человеке. Никто не может точно сказать, что для него полезно, а что нет. Поэтому следует еще договориться о конкретном смысле этих слов. Я предлагаю следующее: полезно значит приятно (или не неприятно) окружающим.

В. – Тогда это относительное определение. У каждого человека своя среда, свой круг общения. Эти круги могут качественно отличаться друг от друга в культурном и интеллектуальном планах. И то, что принято в одном кругу, может быть чуждым (если не неприятным) в другом.

С. – Но точно также относительно и разделение по категориям. Пределы изменения какого-либо качества в одной категории могут быть разными в разных кругах. А человек склонен следовать правилам, принятым в его среде. Поэтому мое предложение соответствует реалиям жизни.

В.- Хорошо, договорились. Тем не менее, я продолжаю сомневаться в твоём основном тезисе. Я еще как-то могу понять, почему плохо, когда меньше чего-то одного. Но если чего-то больше, то почему это плохо? К примеру, некто *A* просто умен, честен и силен, а *B* – умен, очень честен и силен. Почему же обязательно *B* вреден, чем *A*?

С. – Я не говорил, что обязательно. Это слишком категорично. В реальности многое определяет случай. Поэтому правильнее сказать «чаще всего». Итак, в твоём примере *A* и *B* осмысливают и совершают примерно одинаковое число поступков. Можешь ли ты назвать поступки, которые совершает *B* и не совершает *A*?

В. – Трудно с ходу ответить на это. Пока на ум приходят выражения типа «более благородные», «бескорыстность» и т.п.

С. – Ты все время хочешь привязать честь к морали. Конечно, честь ближе к нравственности. Но я говорил и повторяю – мы рассматриваем качества вне зависимости от нравственных принципов. Дело в том, что эти принципы меняются со временем. Более того, в одно и то же время различными могут быть эти принципы и в разных кругах. Поэтому ответ должен касаться именно данного качества, как такового. И я предложу такой вариант – *В* говорит больше правды. Ты согласен с таким тривиальным ответом?

В. – Конечно!

С. – А теперь я перефразирую свой ответ – *В* чаще «режет правду-матку». Не кажется ли тебе, что это резковато?

В. – Да, для окружающих это не очень приятно. Думаю и самому *В* не очень уютно.

С. – Вот именно! Неуютно! Если бы он был столь же умен и силен, как честен, это бы его трогало намного меньше. А так он доставляет хлопоты и себе и другим.... Идем дальше. Наверное, ты уже сам понял, какой вопрос я хочу задать.

В. – Да. Что не позволяет себе *В*, в отличии от *А*? Ответ, также, очевиден – он старается меньше «пачкаться». Но и что тут плохого?

С. – Для *В* может быть и ничего. А вот для остальных Выше мы говорили, что честный «пачкается», скорее всего, в противодействии с нечестным. Но это означает, что в таком противодействии *А* более принципиален, чем *В*. Разве не следует отсюда, что чистоплюй *В* менее приятен окружающим, чем человек, не боящийся «грязи»?

В. – Возможно, что так. Но этот вывод мне лично не по душе. Какой-то он бесперспективный что ли.

С. – Прежде чем комментировать это, хочу спросить: веришь ли ты, что и при других вариантах я найду примеры и покажу, что всякий разноречивый набор качеств хуже гармоничного сочетания этих качеств?

В. – В это-то я верю. Словами можно доказать все, что угодно. Но мне больше нравится, когда чего-то больше, чем все в среднем.

С. – Да, наш диалог это только слова. Это в математике что-то словами доказывается. Но там все – и исходные положения и ход доказательства – формализовано, т.е. имеют однозначный и четкий смысл. В жизни, разумеется,

все иначе и многое зависит от пристрастий человека. А точнее, от его выбора. Поэтому ты можешь выбирать: или считаешь, что мой тезис о гармонии достаточно обоснован (реальной жизнью), или полагаешь, что в нем заложены дополнительные свойства трех качеств человека.

В. – Я не знаю, как буду думать завтра, но сейчас я склоняюсь ко второму варианту
прежнему считаю, что чем больше чего-то полезного, тем лучше.

С. – Вот в том-то и дело, что ты по-прежнему считаешь, что ум, или честь, или сила в жизни человека проявляются так, как хочется остальным. На самом деле, их проявление во многом подчинено интересам данного человека. Т.е., мы видим намного меньше и несколько другое, чем заложено в этих качествах. Не удержусь от аналогии.

Далекие звезды. Усыпанные в небе они очаровывают. Но свет этих звезд не греет, а лишь демонстрирует, что источник полон громадного огня. Они навеивают грусть по поводу той малости, которую мы получаем от них, по сравнению с тем, чем они являются на самом деле. А греет нас только Солнце, хотя оно является заурядной звездой. Точно также, люди как звезды – «греют» друг друга в гораздо меньшей степени, чем могли бы. И только очень близкие более или менее открыты для нас. От остальных мы не можем ожидать бескорыстного проявления всей глубины их качеств.

Послесловие

В. – После нашего разговора у меня остались и вопросы и сомнения. И больше всего меня смущает следующее. Практически весь наш диалог был анализом, т.е., по существу рассуждением. Не так ли?

С. – Допустим, повторяю, допустим, что так.

В. – Тогда получается, что ум судить не только о себе, но и о других качествах человека. А ты сам говорил, что ум склонен быть бесчестным.

С. – Точнее, я говорил, что ум нейтрален к чести. А тебя, как я понимаю, смущает то, что в нашем разговоре ум стоит особняком (он как бы и судья и обвиняемый). И, значит, наши «умные» рассуждения не являются до конца честными. Так?

В. – Да, примерно так. И никакие умные разговоры не заставят человека стать более честным и сильным. Так в чем же польза от нашего «копания» в человеке?

С. – Польза, полезно ...! Как часто словом «бесполезно» сдерживаются человеческие порывы! А что значит полезно? Полезно для тебя? Для других? Или для общества в целом? Полезно для будущего или для настоящего? А насколько полезно – очень или не очень? ... Видишь, сколько вопросов вызывает твоё желание найти пользу в нашем диалоге.

В. – Не цепляйся за слова. Думаю, ты отлично понимаешь, что я хотел сказать. Просто я не знаю, какими еще словами выразить свое непонимание цели твоего, так сказать, хирургического препарирования качеств человека.

С. – Ага! Тебе не ясна цель диалога. А значит, и итог?

В. – Вот именно! Нельзя же считать итогом тривиальный тезис о важности гармонии человеческих качеств.

С. – Ладно. Давай несколько абстрагируемся. Вот два человека о чем-то рассуждают. В каком случае можно считать это рассуждение разумным?

В. – Когда аргументы одного обоснованы с точки зрения другого. Нет «голых» утверждений. В конце концов, просто все логично.

С. – А можно сказать, что такое же обсуждение по тому же вопросу было бы между другой, столь же умной парой?

В. – Если бы вопрос не касался данной пары, то да.

С. – Значит, ты согласен с тем, что необходимым условием умного обсуждения является его независимость от субъектов диалога?

В. – По-моему, это очевидно.

С. – Очевидно, тривиально! Да всякое логическое умозаключение по сути тривиально. Другими словами, логика основана на небольшом числе аксиом и всегда приходит к выводам, которые столь же очевидны, как и исходные аксиомы. Но это кстати. А теперь следующий вопрос. Можно ли выразить словами итоги «умного обсуждения»?

В. – Конечно.

С. – А если один из участников не может этого сделать?

В. – Значит, с какого-то момента он потерял нить рассуждений.

С. – Т.е., с этого момента разумность диалога закончилась и его нельзя назвать рассуждением (умным обсуждением).

В. – Хорошо, соглашусь – если итоги разговора однозначны и ясны каждому, то это было умным обсуждением. И наоборот – итоги умного разговора понятны каждому.

С. – Но как же быть тогда с нашим диалогом! Ты назвал его рассуждением и тут же добавил, что не видишь его цель и не можешь сформулировать его итоги. Что-то не сходится!

В. – А-а! Вот куда ты ведешь. Мол, обсуждение не было разумным, так как я не вижу его цель и во многом остаюсь при своем мнении, отличным от твоего. А может я недостаточно умный и в какой-то момент потерял нить рассуждений?

С. – Нельзя потерять того, чего не было. Какая нить может быть, например, там, где говорится об отношении тебя лично к другим людям. Или там, где осуждается, что каждому из нас нравится, а что нет. Всякий логик, послушав наш разговор, назвал бы его сумбурным и не ограниченным какими-либо рамками. Кухонный бред – так бы он его назвал. Честный человек посчитал бы его рациональным и безнравственным (даже где-то циничным). Холодный анализ – вот его вердикт. Человек сильный (без комплексов) сказал бы, что двое хлюпиков отводят душу, считая беспристрастность проявлением силы духа. Поэтому наш диалог не только не является умным, но и не выдерживает критики со стороны многих людей....

В. – Ладно, ладно. В принципе я согласен с этим. Но вот как быть с тем, что ты не раз убеждал меня логикой?

С. – Какой логикой? Математической что ли?

В. – Я не специалист в этой области... Возможно здравый смысл. Да, именно так – логикой здравого смысла.

С. – Ты попал почти в яблочко. Я бы назвал это логикой жизни. Люди часто отождествляют такую логику со строгой (математической) логикой. А строгая логика это формализованный здравый смысл, когда однозначно заданы и исходные положения и правила умозаключений. Это, разумеется, обедняет здравый смысл. Но взамен, мы можем говорить, что выводы бесспорны. Итак, ты согласен с тем, что мои доводы опираются на логику жизни?

В. – Согласен. Но остается вопрос о цели (пользе) нашего диалога.

С. – Я думаю, твой вопрос связан с тем, что действительно трудно выразить словами итоги нашего разговора. А вот в последующих поступках (наших с тобой и тех, кто прочитает диалог), возможно, скажется ход разговора. Я надеюсь, что в позитивном плане.

В. – Я тоже. Хотя я не во всем согласен с тобой, думаю, что на моих поступках все это скажется.

С. – В утешение тебе скажу следующее. Я краем уха слышал, что разные мнения по поводу честности есть и в среде ученых психологов. Одни считают, что именно ложь привела к выживанию человеческого общества. Другие, наоборот, полагают, что честность есть одно из главных условий устойчивого существования этого общества. Я дилетант и поэтому не очень понимаю, в чем тут противоречие. У меня мнение простое: ложь помогла выжить человеку в суровых условиях, а честность цементировала людей в некие сообщества.